

Олег Губарь

ДЕЛО ЛОКОТНИКОВА

«За чарующий взгляд искрометных очей не страшусь я ни мук, ни тяжелых цепей». Поразительно, как точно и лаконично воспроизводится предлагаемый вашему вниманию сюжет словами проникновенного романа Н. Р. Бакалейникова.

Скандалное дело канцеляриста Одесского строительного комитета Локотникова скрупулезно разбиралось на протяжении многих лет, однако о главном фигуранте мы не знаем практически ничего. Неизвестно ни его имя, ни даже инициалы. Понятно только (фамилию не отнесешь к благородным; впрочем, в Петербурге первой половины XIX века известен состоятельный домовладелец Локотников), что происходил он из разночинцев. Этот герой, или скорее антигерой, привлек мое внимание отчасти по той причине, что судьба его трагически вплетена в ту малопочтенную отрасль общественного быта юной Одессы, о которой до сих пор не имелось никаких сведений. Однако обо всем по порядку.

На рубеже 1814–1815 годов в главной властной инстанции Одессы, Строительном комитете, недосчитались значительной суммы. Деньги эти следовали по почте из Херсонской казенной палаты в возврат средств, употребленных Комитетом на починку зданий Одесской конторы государственного коммерческого банка. Банковские дома, располагавшиеся на углу Дерibasовской и Гаванной улиц, в 1806 году купили у брата основателя Одессы, отставного майора Феликса де Рибаса. Афера с похищением осуществилась очень просто: один из чиновников Комитета получил эти деньги в почтовой конторе и просто-напросто присвоил их себе.

Спрашивается, как же такое могло произойти? Суть в том, что немалые казенные суммы довольно регулярно переправлялись эстафетой из Херсона, и «за распискою» их получали те или иные чиновники Комитета, которых на почте знали в лицо. Означенную сумму — 6 102 рубля 63 1/2 копеек — и получил Локотников, оставив неразборчивую подпись. Как впоследствии выяснилось, он присвоил еще и другой, не столь круп-

ный казенный перевод, около 400 рублей. Чтобы оценить значимость общей суммы в контексте времени скажу только, что многие приличные дома в центре Одессы стоили менее 6 000 рублей, обер-офицерам отпускалось 500 рублей в год на аренду хорошей квартиры, а, скажем, годовое содержание в Благородном институте с полным пансионом обходилось в 670 рублей. Если бы Локотников в течение десятилетия аккуратно складывал бы весь свой оклад и наградные в копилку, то и тогда едва ли собрал такую сумму.

Чтоб не вызвать подозрений, сообразительный канцелярист не стал сразу же увольняться из Комитета. Мало того, оставаясь сотрудником, он мог контролировать переписку с Херсонской казенной палатой. То есть если последняя запрашивала, получена ли отправленная сумма, а Комитет — отчего деньги не поступают, Локотников перехватывал письма, оттягивая развязку. Когда же, несколько месяцев спустя, он уволился, наверняка уже нельзя было выяснить, кто именно получал означенные суммы. Ситуация тогда вообще была несколько путаной по причине административных пертурбаций. В сентябре 1814-го фактически руководивший Комитетом де Ришелье оставил Одессу, предполагая, что отлучка временная, вышло же иначе, и место градоначальника заступил военный комендант генерал Кобле. Тем не менее, ситуация вскоре уравнилась, и пропажа сделалась очевидной. Как один из немногих сотрудников, причастных к получению почтовых отправок, регистратор Локотников, конечно, оказался в подозрении. Однако эти подозрения не имели бы доказательной базы, если бы мелкий чиновник и далее проявлял благоразумие.

Но молодой человек, выражаясь изощренно, не выдержал испытания искушением. Шаг за шагом следствие открывало многочисленные неприглядные подробности его падения. Ищите женщину... На свою голову, Локотников понимал это изречение буквально и сгорел на «веселых домах». Об организации проституции на первом этапе существования города дошло крайне мало достоверных известий. Наверняка можно сказать, что свободные женщины любого состояния здесь были тогда в исключительном дефиците. Доходило до крайностей: похищения и перекупки замужних, совращения малолетних, не говоря уже о тривиальных изнасилованиях. По этой причине оказание сексуальных услуг становилось более чем прибыльным бизнесом.

Ранние архивные документы фиксируют главным образом разнообразные акты насилия, умалчивая о добровольных коллекторах

«общественного темперамента». Мне трудно было поверить, что в 1800–1810-е годы пестрый, пряный, поистине левантийский порт («в нашу гавань заходили корабли»), обладавший временным, а вскоре и постоянным городским театром, Казенным садом, разного пошиба трактирными заведениями и в целом развитой инфраструктурой развлечений, не имел соответствующих заведений. Но где искать упоминания, коль скоро чопорные зарубежные вояжеры умалчивают о них в своих мемуарах. Подумалось: а что если проштудировать документы, относящиеся ко времени борьбы с чумной эпидемией 1812 года, когда закрыли все общественные места, а затем объявили и общий карантин? Ведь тогда известного рода «мероприятия» непременно должны были быть взяты под контроль.

И действительно, среди распоряжений, сделанных герцогом Ришелье 29 августа 1812 года ввиду открывшейся заразы, находим следующее: «Всех женщин, живущих в известных вольных домах, собрать в одно место и самым строжайшим образом запретить — и за тем наблюсти, — чтобы они никого не принимали, но ежели какая из них преступит запрещение, таковую и вместе с нею принятого гостя, как ослушников, отправить в полицию, где по рассмотрению учинить им наказание». То есть таких домов и их насельниц уже тогда было немало. Очевидно, к благополучному 1814 году, когда внешняя торговля довольно многолюдной Одессы резко пошла в гору, посещаемость порта резко увеличилась, и значительно возвысился спрос на сексуальные услуги, число «вольных домов» и тамошних обитательниц явно возросло. Из материалов, связанных с расследованием дела Локотникова, становятся понятными некоторые любопытные обстоятельства.

Сюжет совращения комитетского канцеляриста начался с посещения «веселого дома», который содержала еврейка Шейндля Лейбова. Судя по всему, это было лучшее в городе заведение подобного сорта: состоятельная хозяйка пользовалась покровительством достаточных горожан, совершала сомнительные с нравственной точки финансовые операции и привлекала к сотрудничеству иногородних партнеров, в том числе из «ближнего зарубежья». Возможно, неискушенного юного Локотникова втянули в какую-то банальную игру. В сказанном доме, а быть может, и за его пределами, он познакомился с некоей польской барышней Закревской. В следственных материалах ее называют просто развратной женщиной или девкой, опять-таки не снисходя до упоминания имени.

Формально Закревская пребывала в кабале у Лейбовой, которая заплатила за нее солидный долг шляхтянке Магдалине Тарновской, а затем продолжала использовать «по назначению». Похоже, романтический канцелярист доверился шитой белыми нитками исповеди Закревской, страстно влюбился и решился вызволить ее из дома терпимости, поначалу бесцеремонно увез, фактически украл у «хозяев», да и только. Но не тут-то было. Не прибегая к содействию полиции, его взяли в оборот многие материально пострадавшие особы. Ну, во-первых, ему следовало рассчитаться с Лейбовой, которая выплатила Тарновской 500 рублей наличными и на 250 выдала расписку. Еще 250 рублей требовал компенсировать прежде содержавший Закревскую болгарин Топалов. Каким-то боком к делу оказались причастны шляхтянка Макушинская (надо полагать, содержательница другого «вольного дома» или же поставщица «живого товара»), грек Бани, немец Пурио. Мирное, так сказать, соглашение со всеми кредиторами и ко всеобщему удовольствию в частном порядке помог устроить десятский (гражданский полицейский чин) Соломон Гершкович, разумеется, не подозревавший о совершенной Локотниковым краже. По архивным и другим данным, Гершкович — из семейства первых одесских поселенцев, состоявших в мещанском сословии и владевших недвижимостью по Еврейской улице, — в феврале 1812 года в числе других получил место для возведения каменной лавки на Новом базаре, но затем передумал строить. В 1820 году он просил Строительный комитет об отводе земли из городского выгона, однако этот участок отошел под хутор известному медику, надворному советнику Ивану Вицману. В 1830-м Соломон Гершкович построил собственный дом на Новой Слободке.

Так или иначе, а бедный канцелярист сполна выплатил контрибуцию.

Узнав от своих осведомителей о серьезных тратах недавно уволившегося мелкого чиновника и внезапно отъезде с вызволенной «развратной девкой», Комитет незамедлительно организовал его поимку и препровождение в Городскую полицию, которая на тот момент еще не была официально задействована в расследовании. Локотников недальновидно убежал в Киев, где успел приобрести скромный домик в надежде свить гнездышко с Закревской. В общих чертах вся цепочка вырисовывалась оперативно, поскольку показания давал более чем осведомленный десятский Соломон Гершкович. И хотя обстоятельства

были ясны как Божий день, следствие затянулось на годы. Почему? Да потому, что главный вопрос сводился не только и не столько к тому, чтобы покарать виновных, а состоял в том, чтобы компенсировать казенную сумму — 6496 рублей 65 копеек. Комитет был заинтересован в этом в первую очередь, ибо кража косвенно компрометировала эту инстанцию.

Однако интересы Комитета кардинально расходились с интересами «взятых по делу». Каким бы постыдным ни был промысел Лейбовой, он не был противозаконным, и, при всех обвинениях с точки зрения морали, ей нельзя было предъявить претензий с позиций законности. Факт оставался фактом: долг Закревской она погасила из собственного кармана. Правда, рассчитывался канцелярист казенными деньгами — вот в чем загвоздка.

Естественно, все движимое и недвижимое имущество арестованного описали, но оно оказалось весьма незначительным: 185 рублей наличными и крохотный домик в Киеве, на отшибе, некоторое время стоявший без присмотра и явно разоренный к моменту продажи, иначе никак не объяснить полученные за него после реализации 45 рублей — вероятно, это стоимость материала от разборки. Личные вещи арестованного позднее продали за 187 рублей 30 копеек. Остальное Локотников лихо промотал, что, с учетом жесточайших для него последствий, вызывает во мне даже некое чувство злорадного удовлетворения.

Далее полиция круто взялась за мешчанку Шейндлю Лейбову, каковая по этому поводу прошение исправляющему должность одесского градоначальника генерал-майору Фоме Александровичу Кoble. «По делу подсудного (...) Локотникова, — пишет она, — взято у меня наличными деньгами 775 руб., 14 ниток жемчугу и одни часы, что все и поныне хранится в Одесском Комитете». Мотивируя несправедливое изъятие денег и ценностей, Лейбова полностью приводит финансовую раскладку израсходованных ею на Закревскую сумм, упоминая полученную от Тарновской расписку и поступившее во взаиморасчет от канцеляриста. Завершается этот документ следующим пассажем (орфография оригинала): «Объясняю выше писанное по истинной справедливости, осмеливаюсь прибегнуть под защиту Вашего Превосходительства и всепокорнейшее прошу хранящиеся в Комитете мои как 775 руб. деньги, так жемчуг и часы кому следует повелеть возвратить мне. В случае же, каким-либо по сему делу при-

судственным местом произведено будет с меня взыскание показываемых Локотниковым 900 р. денег, то и при получении из Комитета моей собственности благонадежных поручителей в ответствование за меня на случай моей несостоятельности имею».

То есть она вполне логично просила вернуть ей собственность до решения суда, ссылаясь на авторитетных поручителей. Комитет отреагировал предсказуемо. Отвечая 24 июля 1815 года Кобле по поводу полученного тем прошения, пишут о том, что такая-то, «промышляющая постыдным и противным благонравию ремеслом, содержа развратных женщин и других ей надобных, кои, насколько можно видеть в деле о Локотникове, придали способов сему преступнику растратить украденную им казенную сумму, и быть может, что были и самую причиною покуситься на злодеяние, родив в нем посредством разврата нужды в деньгах». Поэтому находят невозможным вернуть конфискованное имущество до разрешения дела. Разумеется, опосредованно причастные к делу Локотникова и материально пострадавшие фигуранты принялись подавать прошения по инстанциям. В связи с жалобами, сюжет привлек внимание высшей администрации, в частности, небезосновательно обратившей внимание на халатность почтовых чиновников. Странно, что впоследствии не было вынесено никакого дисциплинарного определения и в адрес самого Комитета.

Пока раскрутился тяжелый маховик бюрократической машины, минуло чуть ли не пять лет! И только 26 января 1820 года в Комитете слушали постановление Правительствующего Сената по делу Локотникова. Главный обвиняемый сего решения так и не дождался: в комитетских журналах, относящихся к этому времени, он значится просто умершим — естественна ли была его кончина, покончил ли он собой, неизвестно. Ясно лишь то, что смерть его произошла еще до сенатского постановления, ибо в противном случае оно включало бы и приговор самому Локотникову. «За пленительный звук нежной речи твоей я готов на позор под бичи палачей».

Столичные моралисты яростно отыгрались на живых. Успевшая к тому времени вступить в брак мещанка Шейндля, была уже не Лейбовой, а Слушаевой, что не спасло ее от начета в 1100 рублей, то есть существенно больше, чем она получила из рук покойного канцеляриста. Тут надо пояснить: Лейбова — не фамилия, а отчество, которое нередко трактуется в документах как фамилия. Реальная же фамилия — Слушай (Слушаева). Лейба Слушай фигурирует в перечне

ревизских евреев-мещан 1811 года. Правда, ей вернули опечатанные все эти годы часы и жемчуг. Из более поздних архивных материалов мы узнаем о том, что дальнейшая судьба Лейбовой сложилась вполне удачно, и в 1823 году она владела собственным домом во второй административно-территориальной части Одессы, оцененном в личную сумму — 12 000 рублей.

Были также назначены следующие взыскания: со шляхтянки Магдалины Тарновской — 650 рублей, с болгарина Топалова — 250, со шляхтянки Макушинской — 100, с немца Пурио — 80, с десятского Соломона Гершковича — 50, с грека Бани — 50, с двух десятских — Лемошко и Цудика — 15 рублей, «потому что они, видев Локотникова, молодого человека и должностью обязанного, издерживающего деньги мотовски для распутно с ним жившей девки, должны были от сего его отвратить».

Легко счесть: все эти штрафы и близко не покрывают утраченную казенную сумму. В таковой ситуации Сенат положил взыскать недостающую разницу с одесского почтмейстера Худобашева — да-да, того самого, Артемия Макарьевича, члена Бессарабской конторы иностранных поселенцев, хорошего пушкинского знакомого. Здесь, конечно, уместно говорить о халатности: при выдаче столь крупной суммы расписка получателя действительно не была надлежащим образом сверена. При таком начете почтмейстер мог буквально остаться без штанов, а потому, вполне сознавая и свою вину, Комитет компенсировал основную часть дефицита, 3 075 рублей, от лица своего казначея, одного из самых состоятельных людей в Одессе, сподвижника герцога Ришелье, барона Жана Рено, многократно помогавшего городу в разных ситуациях — и тем спас свою репутацию.

Казалось бы, вопрос исчерпан и черпак выброшен. Не тут-то было. Проходит еще два с половиной года, и 18 июня 1823 года Комитет снова не может свести дебет с кредитом. Как выяснилось, не всех лиц, на которых наложили денежные взыскания, удалось отыскать. Покинули Одессу, либо сознательно скрывались: болгарин Топалов, грек Бани, десятские Лемошко и Цудик, в связи с чем полиция поставили на вид. Что касается Худобашева, то в случае, если бы поименованные особы рассчитались, то за ним оставалось бы 712 рублей 15 копеек, в противном случае ему пришлось бы рассчитываться сполна. В помощь следствию вновь привлекли всезнайку Соломона Гершковича, но результат мне пока неведом — во всяком случае, в комитетских

журналах ближайшего к этой истории времени я больше не нашел упоминаний о деле Локотникова.

Знаете, что скажу вам напоследок: мне чертовски жаль этого безымянного, по сути, Локотникова. Представьте себе безнадежно сидящего в «чижовке»¹ при городской полиции молодого легкомысленного человека, лишенного какого бы то ни было будущего, никому не нужного, даже освобожденной им даме сердца, ради которой пожертвовал он честью и самую жизнь. Условия содержания ужасающие — острог в «большой крепости» ликвидирован после ее присоединения к карантину, новый тюремный замок построен лишь десять лет спустя, тюремный дом при полиции не обустроен и переполнен Бог весть каким сбродом. Ни малейшего просвета, оправдания не будет никогда, жизнь загублена. «Как я плачу, о счастье мечтая, но напрасно: ведь счастьем не быть».

Мы не только не узнаем, при каких обстоятельствах он перешел в мир иной, но даже места захоронения. Известно, что гораздо позднее умерших или казненных в тюремном замке погребали на Скаковом поле или на Карантинном кладбище. Но в 1810-е годы не было еще означенного поля, а кладбище в карантине использовалось по особому статусу. Скорее всего, Локотникова наскоро зарыли где-то на периферии Старого городского кладбища, которое в тот период было лишено даже элементарного забора. Теперь, впрочем, только забор и остался. Да и тот в единичных фрагментах.

---

¹ Название камеры в конце XIX века.